Проф. Евгеній Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Выпускъ I.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Пр.

В. 4160
ДОБ

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

Предисловіе.

Занимаясь параллельно философіею и исторіею русской словесности XVIII и XIX столѣтій, я естественно натолкнулся на вопросъ о судьбахъ философіи, какъ науки, и какъ предмета преподаванія, въ Россіи. Не удовлетворяясь имѣющимися очерками, я обратился къ изученію источниковъ, и самъ сталъ собирать матеріалы для такой исторіи—по очень широкой программѣ, какъ изъ напечатанныхъ источниковъ такъ и по архивнымъ даннымъ; современемъ я убѣдился, что обработать всю исторію философіи на Руси не въ видѣ какого-либо поверхностнаго raisonnement, а документально и научно—дѣло весьма нелегкое, исполнителю котораго приходится, помимо трудностей, лежащихъ въ сущности предпріятія, бороться еще съ побочными и случайными препятствіями, какъ-то: крайнимъ несовершенствомъ русской библіографіи, рѣдкостью старыхъ русскихъ философскихъ книгъ, разбросанностью нужныхъ датъ по всевозможнымъ архивамъ (рукописныхъ) и (печатныхъ) по разнообразнѣйшимъ русскимъ и иноязычнымъ сочиненіямъ: богословскимъ, общеисторическимъ, естественнонаучнымъ, историко-литературнымъ, юридическимъ и даже по медицинскимъ изданіямъ. Это дѣло требуетъ не одного, а многихъ работниковъ,—работниковъ энергическихъ и трудолюбивыхъ, и притомъ требуетъ не одного года, а многихъ лѣтъ. Окончательной разработкѣ всей исторіи философіи въ Россіи должна предшествовать моногра-

фическая разработка отдѣльныхъ вопросовъ. Не желая, чтобы собранный мною довольно обширный матеріалъ оставался втунѣ, я и рѣшился обработывать его именно въ видѣ монографій.

Сначала все настоящее изданіе предполагалось въ одномъ томѣ. Но такъ какъ онъ вышелъ бы весьма большого объема, то во многихъ отношеніяхъ оказалось удобнѣе разбить его на отдѣльные выпуски. Библіографія сочиненій Козлова, обѣщанная на стр. 24 перваго выпуска, появится во второмъ выпускѣ.

Казань,
23 сентября 1898 г.

Проф. **Евгеній Бобровъ.**

I.

Жизнь и труды А. А. Козлова.

Wer hat gestrebt wie ich? Wo ist der Pfad
Der Kunst, der Wissenschaft den ich nicht schritt?
Weit ferner, kühner (ohne Rühmen darf
Ich's sagen) drang ich darauf fort als alle
Die Herren, die beim ersten Meilenstein
Umkehrten, voll von ihrer Reise Wundern
Und als gelehrte, selbstzufriedne Thoren
Von grössern Thoren angestaunt sich brüsten.
Ich aber wanderte und wanderte...

(*Grabbe*, Don Juan und Faust, актъ I, сцена II, монологъ Фауста).

Алексѣй Александровичъ Козловъ родился 9 января 1831 года въ Москвѣ и выросъ среди очень скудной обстановки. Воспитаніе его было чрезвычайно и чрезмѣрно суровое. Съ ранняго дѣтства онъ отличался большой любознательностью и до страсти любилъ чтеніе. Благодаря отличной памяти, онъ легко запоминалъ прочитанное, а то, что̀ ему особенно нравилось (какъ напр., описанія битвъ и побѣдъ русскаго оружія), воспроизводилъ въ лицахъ съ увлекательностью и съ жаромъ. Съ 1843 г. Козловъ сталъ учиться въ I-ой Московской гимназіи и сразу занялъ среди своихъ товарищей выдающееся мѣсто. По окончаніи курса въ гимназіи онъ съ 1850—56

учился на словесномъ факультетѣ Московскаго Университета. Особеннаго интереса къ философіи онъ тогда не обнаруживалъ, что̀ немудрено; съ 1850 г. именно и были упразднены философскія каѳедры во всѣхъ русскихъ университетахъ (кромѣ Дерптскаго), а преподаваніе логики и эмпирической психологіи было поручено законоучителямъ. Такимъ образомъ въ это время въ Московскомъ университетѣ не было спеціалиста—преподавателя философіи; этому предмету обучалъ протоіерей *Терновскій*. Козловъ читалъ по своей охотѣ кой-какія философскія книги, напр., „Критику чистаго разума“ Канта во французскомъ переводѣ *Тиссо*; но это чтеніе не дало большихъ результатовъ. Пріобрѣтши степень кандидата, Козловъ поступилъ въ Москвѣ же преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Константиновскій межевой институтъ и въ этой должности пробылъ 4 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности. Но онъ писалъ тогда не по философіи, а по политической экономіи (которая преподавалась на историко-филологическомъ факультетѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Юрьевскомъ университетѣ до нашихъ дней: пишущій эти строки самъ прослушалъ въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ полный курсъ политико-экономическихъ наукъ у проф. *Дійцеля*). Козловъ готовился даже стать ученымъ спеціалистомъ именно по этой наукѣ. Тогда же онъ вмѣстѣ со своимъ закадычнымъ другомъ Вас. Иван. *Покровскимъ* (нынѣ извѣстнымъ статистикомъ) перевелъ на русскій языкъ первый томъ соч. *Roscher*, Grundlagen der Volkswirthschaft; этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1860 г. Статьи Козлова (напр., „о кредитѣ въ банкахъ“, „о хозяйственномъ управленіи города Москвы“, „о финансовомъ положеніи Россіи“ печатались въ различныхъ журналахъ: „Московскихъ Извѣстіяхъ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Днѣ“, „Финансовомъ Вѣстникѣ“ и т. д. Въ этотъ же періодъ своей жизни онъ ознакомился съ сочиненіями Шарля Фурье, и это чтеніе произвело глубокое впе-

чатлѣніе на молодого человѣка. Что касается его философскихъ убѣжденій за это время, то слѣдуя общему теченію русской мысли, А. А. Козловъ былъ тогда позитивистомъ съ матеріалистической окраскою. Особеннымъ авторитетомъ пользовался тогда въ его глазахъ Л. Фейербахъ. Съ начала 60-хъ годовъ въ Россіи журналисты съ *Чернышевскимъ* и *Писаревымъ* во главѣ усердно пропагандировали среди русской интеллигенціи антропологисмъ Фейербаха и матеріализмъ Бюхнера. Къ этимъ вліяніямъ присоединялись черезъ журналистику же вліяніе англійскаго позитивисма и эволюціонисма. Чрезвычайно мѣткую характеристику умственныхъ вѣяній въ Россіи 60-хъ годовъ даетъ самъ нашъ авторъ въ книгѣ „Религія графа Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви“, II изд. стр. 71. „Матеріализмъ вошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Бюхнеромъ, Фохтомъ, Молешоттомъ и т. п., а главное съ распространеніемъ естественныхъ наукъ, относительно которыхъ, благодаря жалкому состоянію у насъ философскаго мышленія, еще и теперь господствуетъ предразсудокъ, будто ихъ выводы представляютъ безусловную истину, между тѣмъ, какъ они условны.... Антропологисмъ, то явно и сознательно, то тихомолкомъ и безсознательно дѣлающій человѣка средоточіемъ всего существующаго, вошелъ къ намъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ. Изъ Англіи онъ пришелъ къ намъ въ видѣ тамошняго сенсуализма и ассоціанисма и въ доктринѣ относительности всякаго знанія (Льюисъ, Милль, Бэнъ, Спенсеръ и пр.); изъ Франціи по преимуществу въ видѣ различныхъ философско-соціальныхъ и политическихъ ученій (сенъ-симонисма, фурьеризма Пьера Леру, Луи Блана, Огюста Конта и т. п.); изъ Германіи въ видѣ философіи Фейербаха, поставившаго человѣка in abstracto на мѣсто, прежде занимаемое Богомъ, или природою. Соціализмъ пришелъ къ намъ со всѣхъ сторонъ: изъ Франціи въ видѣ вышеупомянутыхъ и другихъ не названныхъ нами доктринъ, изъ Англіи въ видѣ ученія Р. Оуена,

изъ Германіи въ видѣ ученій Маркса, Лассаля и т. п. Кромѣ общей подкладки антропологисма, по которой всяческое развитіе и прогрессъ не могутъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ счастья человѣка вообще, соціалистическія теоріи проповѣдывали исключительную заботу, преимущественно, о счастіи низшихъ классовъ народа, для осуществленія котораго не слѣдуетъ останавливаться передъ какими бы то ни было жертвами (передъ погибелью цивилизаціи, культуры, просвѣщенія и т. п.). Во Франціи изъ соціалисма возникло даже нѣчто въ родѣ культа пролетаріямъ и черни, въ подражаніе которому и у насъ появилось идолопоклонство передъ *мужикомъ*; на него надѣялись, какъ на новаго мессію, который, выступивши на историческую сцену, принесетъ откровеніе, имѣющее разрѣшить къ общему удовольствію и счастію всѣ нравственныя, правовыя, общественныя и экономическія затрудненія, съ которыми не можетъ до сихъ поръ справиться ни религія, ни наука, ни общество. Эволюціонисмъ пришелъ къ намъ съ системою Спенсера и потомъ съ дарвинисмомъ, и наконецъ позитивисмъ, отрицающій метафизику и возможность познанія сущности и причины міра, міровыхъ законовъ, цѣли и т. п. возникъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Изъ Англіи онъ явился въ общемъ духѣ англійскаго эмпирисма, сенсуализма и скептицисма; изъ Франціи онъ перенесенъ къ намъ въ видѣ позитивисма Конта, поскольку онъ выраженъ только въ его „Курсѣ положительной философіи“. Изъ Германіи онъ пришелъ въ видѣ отголосковъ отъ „Критики чистаго разума“ Канта. Таковы были царившія тогда на Руси доктрины, почти не встрѣтившія серьезнаго отпора. Сомнѣваться въ истинности ихъ считалось глупымъ, даже безчестнымъ и навлекало подозрѣніе въ шпіонствѣ.....

Оставивши казанное учительство, А. А. Козловъ былъ воспитателемъ и учителемъ въ различныхъ богатыхъ домахъ, а потомъ обратился къ практической дѣятельности, а именно,

переселился окончательно въ деревню и занялся сельскимъ и лѣснымъ хозяйствомъ. И только теперь онъ начинаетъ постепенно переходить къ тому дѣлу, которое долженствовало поглотить всю его остальную жизнь, т. е. къ философіи.

Долгіе зимніе вечера въ деревнѣ А. А. Козловъ проводилъ за разнообразнымъ чтеніемъ. Между прочимъ случайно попала ему въ руки книга *Фрауенштедта* „Briefe über die Schopenhauersche Philosophie“. Чтеніе этой увлекшей его книги стало для Козлова началомъ его спеціально философскихъ штудій. Онъ съ восторгомъ изучаетъ Шопенгауера и становится „пессимистомъ“. Долгое время онъ носился съ мыслію перевести на русскій языкъ главное сочиненіе Шопенгауера „Міръ, какъ воля и представленіе“, но это по цензурнымъ условіямъ было невозможно. Тогда онъ удовольствовался обработкою сочиненія *Гартмана* „Философія безсознательнаго“, которое онъ частью перевелъ, частью изложилъ. Эта переработка Гартмана появилась въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ въ 1873—75 гг. подъ заглавіемъ „Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго“. Она нашла себѣ въ публикѣ огромное распространеніе и сразу сдѣлала имя А. А. Козлова извѣстнымъ. Покойный Дьяковъ въ одной изъ своихъ повѣстей изображаетъ нигилистку въ часы досуга штудирующею, лежа на диванѣ, именно Гартмана въ обработкѣ Козлова, и выписывающею на бумажку оттуда всѣ мудреныя слова съ цѣлью потомъ хвастнуть ими. Книга эта дѣйствительно сразу стала модною.

Освободившись, благодаря изученію Шопенгауера, отъ позитивисма, и видя въ философіи науку возможную и самостоятельную, Козловъ обратился къ ея изученію съ тою же беззавѣтною страстью, какою и раньше онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ занятіяхъ. Плодами его мышленія явились, кромѣ двухъ журнальныхъ статей (въ „Знаніи“): „Критика „Историческихъ Писемъ“ Миртова (П. Л. Лаврова(и „Владимиръ

Соловьевъ, какъ философъ", (по поводу его книги „Кризисъ западной философіи"), гдѣ онъ уличаетъ Соловьева въ смѣшеніи понятій религіи, богословія и философіи,—оригинальное сочиненіе „Философскіе Этюды", т. I, Кіевъ 1876, въ которомъ Козловъ является рѣшительнымъ защитникомъ правъ философіи. Исходя изъ факта сомнѣнія въ томъ, что философія обладаетъ опредѣленными задачами и методою и приноситъ какую бы то ни было пользу, Козловъ задается цѣлью изслѣдовать предметъ философіи, ея методу, направленія, ея значеніе въ человѣческой жизни и наконецъ ея отношенія къ прочимъ наукамъ. Эти вопросы должны были быть рѣшены индуктивно на основаніи обобщенія тѣхъ данныхъ, какія представляетъ исторія философіи. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома Козловъ на основаніи содержанія философскихъ ученій и опредѣленій философіи, данныхъ ея представителями, приходитъ къ заключенію, что предметъ философіи есть понятіе міра, какъ цѣлаго, какъ системы вещей. Второй отдѣлъ трактуетъ о философской методѣ и различныхъ направленіяхъ въ философіи, начиная съ Θалеса и до Сократа. Въ предисловіи Козловъ высказываетъ руководящія идеи своего труда въ такихъ положеніяхъ: 1) Философія съ самаго начала и всегда имѣла свой особенный предметъ, который не можетъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ предметами другихъ наукъ. Хотя нѣкоторые философы и не сознавали этого ясно и иногда впадали въ подобное смѣшеніе задачъ, но и у нихъ всетаки можно выдѣлить доктрины собственно философскія отъ побочныхъ. А чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится сознаніе философовъ относительно предмета ихъ науки, въ будущемъ же врядли уже возможны колебанія мнѣній на этотъ счетъ. 2) Если философія за время своей исторіи обладала собственнымъ предметомъ, то, разумѣется, былъ у нея и соотвѣтственный методъ. Попадающіяся ошибки объясняются чрезмѣрной трудностью предмета.

Ибо, хотя философскій методъ и во многомъ отличается отъ методовъ прочихъ наукъ, но не настолько, чтобы не имѣть съ ними ничего общаго, и даже имѣетъ много важныхъ общихъ чертъ. Далѣе различіе содержанія системъ и порою даже ихъ существенныя противорѣчія зависятъ не отъ произвола въ примѣненіи метода, а отъ возможности различныхъ направленій и точекъ зрѣнія на предметъ философскаго познанія. 3) Философія имѣетъ большое практическое значеніе и всегда будетъ имѣть его, потому что она удовлетворяетъ той потребности человѣка, которая не можетъ быть и въ приблизительной степени удовлетворена какою-либо другой наукою. 4) Философія есть наука, потому что она имѣетъ всѣ характеристичные признаки науки вообще, а по своему предмету она—самая трудная и наивысшая наука. Она всегда шла наряду съ другими науками, зависила отъ ихъ успѣховъ и страдала отъ ихъ несовершенствъ. Эта связь между философіею и другими науками неизбѣжна и необходима; она приноситъ свои плоды для обѣихъ сторонъ.

Это сочиненіе Козлова обратило на себя вниманіе читающей публики силою діалектики и горячею убѣжденностью тона. О немъ заговорили уже какъ о спеціалистѣ, философскомъ авторѣ. Это и подало мысль нѣкоторымъ изъ его университетскихъ друзей попытаться пристроить Козлова при университетѣ; такъ его близкій другъ А. А. *Котляревскій*, проф. славяновѣдѣнія при Кіевскомъ университетѣ (а ранѣе того—предшественникъ Павла Александ. Висковатова по каѳедрѣ русской словесности при дерптскомъ университетѣ) приглашалъ его извѣдать свое счастье въ Кіевѣ. Возможность академической карьеры весьма улыбалась Козлову; но различныя обстоятельства препятствовали, повидимому, исполненію этого плана; притомъ ему было уже за 40 лѣтъ. Хотя онъ и не питалъ особенныхъ надеждъ, но онъ воспользовался про-

ѣздомъ черезъ Кіевъ заграницу, чтобы выяснить положеніе дѣлъ.

Здѣсь сначала не оказалось благопріятствующихъ обстоятельствъ. Котляревскій былъ тяжко боленъ; кромѣ него, у Козлова не было друзей въ этомъ университетѣ. Многое зависило также и отъ отзыва о немъ спеціалиста. Профессоромъ философіи былъ тогда въ Кіевѣ довольно извѣстный Сильвестръ Сильв. *Гогоцкій*, 63-лѣтній старикъ, изъ духовнаго званія, воспитанникъ и баккалавръ мѣстной духовной академіи, перебравшійся потомъ на службу въ университетъ, несмотря на упорное противодѣйствіе нѣмецкой партіи. Гогоцкій преподавалъ въ академіи, и потомъ въ университетѣ различные предметы: польскій языкъ (отъ знанія котораго онъ впослѣдствіи по политическимъ соображеніяхъ открещивался), нѣмецкій языкъ, богословскія дисциплины и философію. Онъ писалъ довольно много, но извѣстенъ, преимущественно, своимъ „Философскимъ Лексикономъ“ въ 4 томахъ. По упраздненіи философскихъ каѳедръ въ россійскихъ университетахъ онъ былъ переименованъ въ проф. педагогіи, а въ 1867 году Министръ Народнаго Просвѣщенія вернулъ ему его прежнюю каѳедру. Держась болѣе всего философіи Гегеля, онъ считался среди своихъ молодыхъ коллегъ „отсталымъ“; притомъ онъ не обладалъ достаточной твердостью характера, чтобы завоевать себѣ какой-либо авторитетъ и уваженіе. Поэтому большинство профессоровъ вообще не имѣли ничего противъ того, чтобы наряду съ Гогоцкимъ дѣйствовалъ въ Кіевскомъ университетѣ преподаватель сравнительно помоложе и болѣе моднаго направленія. Гогоцкій былъ уже знакомъ съ работами Козлова, принялъ его дружественно, просилъ и впредь „похаживать“ къ нему, но обѣщаться ничего не могъ. Повидимому, не оставалось надеждъ. Но у Гогоцкаго Козловъ встрѣтилъ проф. русской словесности Александра Ив. *Селина*, тогдашняго декана историко-филологическаго факультета и

весьма вліятельнаго человѣка. Селинъ, одинъ изъ старыхъ могиканъ романтисма (à la Красовъ), былъ чрезвычайно увлекающеюся и энтузіастической натурою. Козловъ всею своей манерою произвелъ на него блестящее впечатлѣніе, а прекрасное изложеніе теоріи „потенцій“ романтика Шеллинга привело Селина въ неистовый восторгъ, такъ что онъ навѣрняка обѣщалъ Козлову устроить его дѣло и честно сдержалъ свое обѣщаніе. „Философскіе Этюды“ были публично защищены въ качествѣ диссертаціи pro venia legendi, затѣмъ Козловъ прочелъ требующіяся уставомъ пробныя лекціи, одна изъ которыхъ была напечатана подъ заглавіемъ „Два основныхъ положенія философіи Шопенгауера“. Козловъ развивалъ здѣсь ту мысль, что Шопенгауеръ обладаетъ полною и законченной системою, сущность которой заключается въ развитіи двухъ положеній, примѣняемыхъ къ природѣ, искусству и нравственности: 1) Шопенгауеръ вмѣстѣ съ Кантомъ заключаетъ, что, если отнять мыслящій субъектъ, т. е. носителя міра, то весь чувственный и объективный міръ со всѣми солнцами и планетами есть не болѣе, какъ наше представленіе; 2) независимо отъ Канта, Шопенгауеръ выработалъ положеніе, что міръ есть воля, и притомъ воля единая и необусловленная.

Такимъ образомъ въ 1876 году Козловъ былъ допущенъ въ качествѣ приватъ-доцента къ преподаванію философіи при Кіевскомъ университетѣ. Гогоцкій уступилъ ему обязательные курсы логики и исторіи философіи, оставивъ за собою психологію и педагогію. Такіе же предметы читалъ Козловъ на открытыхъ при университетѣ женскихъ высшихъ курсахъ.

Его появленіе на философской каѳедрѣ не прошло незамѣченнымъ. На него одновременно напали печатно два позитивиста, его коллега по университету, доцентъ Пав. *Аландскій*, даровитый филологъ, рано погибшій для отечественной науки, и проф. философіи при Нѣжинскомъ Институтѣ

Н. Я. Гротъ. Аландскій хотѣлъ показать, что философія не есть наука, и что ее можно замѣнить другими, спеціальными науками. Но Козловъ доказалъ ему въ своемъ отвѣтѣ, что онъ велъ всю свою полемику противъ философіи именно съ точки зрѣнія философіи же, а не отдѣльныхъ наукъ, что подъ различными неопредѣленными выраженіями, както: „наука“, „система наукъ“, „связь теорій спеціальныхъ наукъ“ и т. д. онъ подразумѣваетъ, собственно говоря, ту дѣятельность духа, которая именно образуетъ философію, что какъ только онъ пытается указать тѣ науки, которыя исполняютъ то, на что претендуетъ философія, онъ обнаруживаетъ либо ложное пониманіе предмета спеціальныхъ наукъ, либо недостаточно точно разграничиваетъ родственныя науки, а слѣдовательно, злоупотребляетъ словомъ „наука“. Абстрактное понятіе науки, какъ таковой, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго представленія о формулированномъ ученіи. Въ этомъ случаѣ мы отвлекаемся ото всякаго опредѣленнаго содержанія и мыслимъ только самое знаніе и общіе признаки наукъ, напр., систематическую и логическую обработку и т. д. А если какое-либо опредѣленное содержаніе дѣйствительно не принадлежитъ никакой отдѣльной наукѣ, то оно будетъ не „наукою вообще“, а особенною, частною наукой, которая и носитъ названіе философіи.

Всѣхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Грота, и Аландскаго, Козловъ жестоко отдѣлалъ въ своемъ сочиненіи „Философія, какъ наука“, служащемъ уничтожающимъ отвѣтомъ на всѣ появившіяся рецензіи его труда. Спеціально Гроту и его трудамъ „Психологія чувствованій“ (магистерская диссертація) и „Къ реформѣ науки логики“ (докторская дисс.) Козловъ посвятилъ еще два „Критическихъ этюда“, гдѣ онъ доказывалъ научную несостоятельность этихъ диссертацій Грота, съ чѣмъ послѣдній и самъ потомъ отчасти согласился.

Съ тѣхъ поръ Козловъ все свое время посвятилъ фило-

софіи. Плодомъ и свидѣтельствомъ его занятій служили многочисленныя обширныя рецензіи различныхъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій, появлявшіяся въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (о книгахъ Лассвица, Гёринга, Крауса, Румпеля и т. д.). Въ 1879 году, т. е. 48 лѣтъ отъ роду Козловъ сдалъ магистерскій экзаменъ у Гогоцкаго.

Еще одному появившемуся въ это время сочиненію Козлова суждено было привлечь на себя живое вниманіе общества и молодежи. Мы разумѣемъ быстро раскупленную и нынѣ очень рѣдкую книгу „Философія дѣйствительности“, посвященную критическому обзору и обсужденію философской системы знаменитаго Евгенія *Дюринга*.

„Философія дѣйствительности“ заключаетъ въ себѣ 4 части, изъ которыхъ три изображаютъ ученіе Дюринга, а четвертая содержитъ „критическія замѣчанія“. I часть опредѣляетъ „основныя формы бытія по Дюрингу“, вторая трактуетъ объ „основныхъ принципахъ его ученія о природѣ“; въ III части сдѣланъ сводъ его „ученія о человѣкѣ“, а именно: 1) элементы сознанія, 2) нравственность, право и усовершенствованіе человѣчества, 3) общественный бытъ и исторія, 4) повышеніе цѣнности жизни и 5) общая характеристика соціализованной общественной жизни. „Критическія замѣчанія“ содержатъ: § 1—личный характеръ Дюринга и выставленный имъ принципъ, по которому философія является выраженіемъ нравственнаго настроенія, § 2—замѣчанія на его гносеологію, метафизику и философію природы, § 3—критику этики, соціологіи и другихъ частей Дюринговой системы и § 4—общее сужденіе о философіи Дюринга. Эта система въ цѣломъ, по мнѣнію Козлова, неудовлетворительна, потому что ей недостаетъ главнаго признака системы, а именно—единаго принципа. Отдѣльныя части ея связаны не единымъ принципомъ, а только единствомъ субъективнаго настроенія самого Дюринга. Этимъ то и объясняется основной ея грѣхъ:

части системы, которыя обыкновенно выводятся изъ основъ ея, у Дюринга получаютъ надъ послѣдними перевѣсъ. Центръ тяжести лежитъ у него не въ теоріи познанія и не въ метафизикѣ, даже не въ этикѣ, которыя все же ближе къ нимъ, а въ *ученіи объ обществѣ*, которое собственно должно бы основываться на этикѣ. Этотъ недостатокъ единства системы Дюрингъ не сумѣлъ прикрыть важными открытіями и оригинальными концепціями. Впрочемъ, нельзя отказать Дюрингу въ относительной оригинальности и талантѣ. Спеціальное значеніе теоретической дѣятельности Дюринга лежитъ въ попыткѣ представить соціализмъ въ качествѣ полнаго и единаго міровоззрѣнія, основывающагося, съ одной стороны, на данныхъ современныхъ положительныхъ наукъ, а съ другой стороны,—на результатахъ нынѣшняго философскаго мышленія. Хотя эта попытка и не удалась (потому что Дюрингъ пытался сблизить совершенно непримиримыя направленія, както матеріализмъ и раціоналистическій идеализмъ), но знакомство съ философіею Дюринга, несомнѣнно, будетъ, какъ полагаетъ по мнѣнію Козлова, небезполезнымъ для всякаго.

Козлову предлагали представить эту интересную книгу въ факультетъ въ качествѣ магистерской диссертаціи, но для этой цѣли онъ написалъ особую книгу, а именно, второй томъ „Философскихъ Этюдовъ“ въ которомъ онъ занимается „методомъ и философіею Платона“ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: I) о методѣ Платона. Въ построеніи философскаго познанія Платонъ употребилъ, какъ логическіе методы вообще (индукцію, аналогію, опредѣленіе, классификацію), такъ и въ особенности—гипотезу; основаніемъ послѣдней служила критика и анализъ основныхъ понятій, данныхъ предшествовавшимъ періодомъ философскаго развитія. Главнымъ орудіемъ при построеніи системы служилъ Платону логическій законъ противорѣчія. Этотъ законъ рѣшалъ дѣло въ процессѣ „очищенія“; онъ же служилъ пробнымъ оселкомъ

въ критикѣ философскихъ системъ и преобразованіи ихъ понятій. Очевидно, что онъ былъ послѣднею инстанціей въ вопросѣ объ истинѣ философскаго знанія, которое можетъ осуществиться только въ системѣ, абсолютно законченной. Такая система предполагаетъ до малѣйшихъ подробностей единство и согласіе съ самой собою, т. е. не содержитъ ни малѣйшихъ противорѣчій. Наконецъ, необходимымъ условіемъ выработки философской гипотезы и діалектической борьбы съ другими системами Платонъ ставитъ „Эросъ“ въ его высшей формѣ, какъ влеченіе къ абсолютной красотѣ, истинѣ и высшему добру. II) О направленіи Платоновой философіи: философія Платона есть,—во первыхъ, наивный реализмъ (ибо Платонъ принималъ полное соотвѣтствіе познанія бытію),—во вторыхъ, раціоналисмъ (потому что главнымъ факторомъ познанія является у него разумъ и его дѣятельность, мышленіе),—въ третьихъ, апріоризмъ (ибо познающій субъектъ строитъ познаніе собственными силами),—въ четвертыхъ, плюрализмъ (потому, что сущихъ принимается множество), въ пятыхъ, спиритуализмъ (потому что эти сущія непространственны и нематеріальны),—въ шестыхъ, эстетическій эвдемонисмъ, ибо послѣдняя цѣль, если не міра, макрокосма, то, по крайней мѣрѣ, полнаго его представителя, человѣка, микрокосма, есть полное блаженство, состоящее въ обладаніи совершеннѣйшею красотой, истиной и гармоніею.

На основаніи магистерской степени Козловъ въ 1881 году былъ выбранъ въ штатные доценты философіи. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ заграничную ученую командировку для дальнѣйшаго усовершенствованія въ философіи и провелъ полгода въ Парижѣ, гдѣ между прочимъ читалъ для тамошней русской колоніи курсъ о философіи Шопенгауера. Когда вышелъ въ отставку Гогоцкій, то Козловъ остался единственнымъ представителемъ философіи при университетѣ св. Владимира.

Къ этому времени относится между другими работами уничтожающая критика Козлова на трудъ позитивиста проф. М. М. Троицкаго „Наука о духѣ“. Кромѣ того, подъ редакціею Козлова появился переводъ французскаго учебника исторіи философіи *Вебера*. Въ 1884 году вышла докторская диссертація Козлова подъ заглавіемъ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“.

„Генезисъ теоріи“ etc былъ защищаемъ на диспутѣ въ Петербургскомъ университетѣ у Мих. Ив. Владиславлева. Ученая степень доктора философіи дала Козлову возможность получить экстраординарнаго и въ скоромъ времени ординарнаго профессора.

Но служебныя повышенія не имѣли на Козлова, какъ частенько водится за русскими профессорами, вліянія въ смыслѣ ослабленія энергіи къ научному труду. Напротивъ того, этой энергіи въ старикѣ все какбы прибывало. Не довольствуясь обычною журнальной дѣятельностью, Козловъ чувствуетъ потребность создать органъ для выраженія своихъ собственныхъ все болѣе и болѣе окрѣпавшихъ взглядовъ въ области умозрительной философіи. Такимъ образомъ Козловъ совершаетъ первый на Руси опытъ чисто философскаго спеціальнаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“, наполнявшійся самимъ Козловымъ безъ сотрудниковъ по всѣмъ рубрикамъ вплоть до хроники и обозрѣнія журналовъ. Важнѣйшія и лучшія статьи въ этомъ журналѣ суть: „Религія графа Л. Н. Толстого (надѣлавшая много шуму, нынѣ имѣющаяся съ дополненіями во второмъ изданіи отдѣльною книгой), „Философія мистики“ (К. Дюпрель), „Тардъ“, „О множественности состояній сознанія“, „Гипнотисмъ и его значеніе для психологіи и метафизики“ и т. д. Журналъ пріобрѣталъ уже (правда, немногочисленный) кругъ вѣрныхъ, интересующихся читателей. Хотя онъ не приносилъ Козлову никакой матеріальной выгоды, но неутомимый философъ имѣлъ твердое намѣреніе продолжать изданіе и добиваться

распространенія среди русскаго общества знакомства съ философіею.... Въ силу непредвидѣннаго и ужаснаго обстоятельства всѣмъ планамъ нашего мыслителя суждено было остаться невыполненными.

Въ 1886 г. Козловъ былъ разбитъ параличемъ. Хотя его лѣчили со всѣми новѣйшими научными пріемами, но онъ остался неизлѣчимымъ параплегикомъ, и лишился употребленія цѣлой половины тѣла. Къ счастью мозгъ не потерпѣлъ отъ удара, и мыслительная сила, какъ и прочія духовныя способности, не ослабли. Зато Козлову пришлось выйти въ отставку на пенсію. Съ этого момента начинается уже только философская жизнь Козлова: тѣлесный, внѣшній человѣкъ, плоть отмерла, остался лишь внутренній человѣкъ, философъ. Лучшія и важнѣйшія работы Козлова появились послѣ этого событія.

Къ этому же времени относится окончательная выработка и ясная формулировка собственныхъ философскихъ воззрѣній Козлова. Удалившись отъ Канта и Шопенгауера, онъ сдѣлался приверженцемъ той философіи, которая была основана Лейбницемъ, и которую Козловъ называетъ *панпсихизмомъ* (по моему названію—*критическій индивидуализмъ*). Тогда же онъ основательно ознакомился съ сочиненіями лучшаго представителя этого направленія въ современной Европѣ, покойнаго профессора Дерптскаго университета Густава Тейхмюллера, моего учителя, а также съ сочиненіями Лоцце, философскіе взгляды котораго имѣютъ нѣкоторое, хотя и небольшое, родство съ *персоналисмомъ* Тейхмюллера. Съ послѣднимъ Козловъ ознакомился сначала, какъ съ историкомъ философіи, именно съ его сочиненіями о Платонѣ (когда Козловъ заканчивалъ собственное изслѣдованіе о Платонѣ, ср. тамъ же стр. 138—141). Уже завершивши выработку своего міровоззрѣнія, Козловъ ознакомился и съ системой Тейхмюллера и, какъ онъ неоднократно заявлялъ и устно, и печатно, съ благодарностью поучился

у него кой-чему. И Лоцце (напр., въ теоріи пространства), и Тейхмюллеръ не остались безъ нѣкотораго вліянія на Козлова.

О своихъ отношеніяхъ къ Тейхмюллеру Козловъ говоритъ въ статьѣ: „Густавъ Тейхмюллеръ“, которая, къ слову сказать, представляетъ собою, вѣроятно, наилучшее изъ всего до сихъ поръ написаннаго о Тейхмюллерѣ. Тейхмюллеръ былъ важенъ для Козлова, во первыхъ, своими классическими работами по „исторіи понятій“. Затѣмъ еще и другіе пункты его теорій были приняты Козловымъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій, напр., ученіе о пространствѣ и времени, о сознаніи, движеніи, матеріи, „я“ и т. д. Нѣкоторое преимущество Лоцце передъ Тейхмюллеромъ Козловъ видитъ въ томъ, что первый разсматриваетъ проблемы гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ второй.

Послѣ паралича Козловъ почти не могъ уже писать собственноручно и принужденъ былъ диктовать. Но литературная производительность его не уменьшалась въ количествѣ и все выигрывала въ качествѣ. Онъ выпустилъ въ свѣтъ четвертую и послѣднюю тетрадь „Философскаго Трехмѣсячника“, а послѣ двухлѣтняго перерыва началъ вмѣсто него издавать философско-литературный сборникъ „Свое Слово“, котораго уже вышло 4 тома; въ непродолжительномъ будущемъ появится и пятый томъ. Главное мѣсто въ этомъ изданіи занимаютъ „Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ“. Здѣсь въ формѣ изящнаго діалога Козловъ подъ псевдонимомъ „Платона Калужскаго“ излагаетъ сущность своихъ собственныхъ философскихъ воззрѣній. Діалоги ведетъ въ качествѣ главной persona dramatis неутомимый, остроумный діалектикъ, Петербургскій чиновникъ, истинно русскій человѣкъ по рѣчи и складу души, получившій за свою страсть къ философіи шуточное прозвище „Сократа“.

Къ положительной задачѣ сборника, изложенію собственной системы въ духѣ Лейбница, присоединяется и соотвѣтствующая ей отрицательная, состоящая въ полемикѣ или въ борьбѣ съ направленіями, враждебными направленію „Своего Слова“, именно съ *позитивисмомъ* и обыкновенно тѣсно съ нимъ связаннымъ *матеріализмомъ*. Большая часть этихъ полемическихъ статей написано по поводу критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ разными лицами противъ „Своего Слова“.

Первая книжка представляетъ нѣчто вродѣ введенія въ систему, излагаемую въ „Бесѣдахъ“. При указаніи основныхъ понятій системы: *субстанціи* и *акциденціи* защищается мысль, что субстанціи не находятся въ пространствѣ и сами по себѣ недоступны внѣшнимъ чувствамъ; а такъ какъ существуютъ только субстанціи со своими акциденціями, то дѣйствительное бытіе есть духовное, а не матеріальное; при этомъ оспариваются два противоположныя мнѣнія: 1) будто бы матеріальные атомы суть субстанціи, и что 2) будто бы вообще субстанцій не существуетъ. Авторъ подкрѣпляетъ свое опроверженіе объясненіемъ, что матеріальныя тѣла суть не болѣе, какъ видимость, или значки, символы, подъ которыми для насъ, существъ несовершенныхъ, является какъ дѣятельность дѣйствительныхъ духовныхъ субстанцій, такъ отношеніе и связь ихъ другъ съ другомъ и съ нами.

Вторая книга трактуетъ объ *основѣ* всей философіи,—понятіи бытія, причемъ критически разсматриваются не только ходячія и популярныя опредѣленія бытія или существованія, но и опредѣленія нѣкоторыхъ знаменитыхъ философовъ, напр., Канта, Юма, Шопенгауера, Декарта. Затѣмъ предлагается собственное опредѣленіе понятія бытія.

Главное содержаніе третьей книжки касается понятія *времени*; по поводу его снова затрагивается—понятіе бытія, а также понятія религіи и причинности. Относительно понятія времени развивается основное положеніе, что міръ въ его

дѣйствительномъ бытіи безвременененъ, чего однако не должно смѣшивать съ предположеніемъ безконечнаго времени. *Безвременность* или вѣчность міра нужно понимать такъ, что дѣйствительное міровое бытіе не имѣетъ никакого отношенія ко времени, потому что время не есть нѣчто реальное, а существуетъ лишь въ нашей мысли вслѣдствіе ограниченности природы человѣческаго существа. Время есть только точка зрѣнія, съ которой наше мышленіе *располагаетъ* и *упорядочиваетъ* акты, какъ нашей собственной субстанціи, такъ и всѣхъ другихъ субстанцій, съ которыми мы связаны въ мірѣ. Далѣе указывается по поводу какихъ реальныхъ актовъ наше мышленіе образуетъ идею времени, и черезъ какія стадіи развитія проходитъ эта идея. Здѣсь же дѣлаются замѣчанія относительно воззрѣній на время нѣкоторыхъ мыслителей, напр., блаж. Августина, Канта, Шопенгауера.

Четвертая книжка трактуетъ о третьемъ основномъ философскомъ понятіи—пространствѣ. Здѣсь прежде всего оспариваются мнѣнія, что оно есть о себѣ сущая *реальность*, что оно есть чистая апріорная форма созерцанія, и что идея пространства образуется изъ ощущеній. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ доказывается, что пространство, подобно времени, не реально и само по себѣ не существуетъ, но что оно представляетъ точку зрѣнія, съ которой люди, въ качествѣ мыслящихъ существъ, распредѣляютъ и упорядочиваютъ акты своей ощущающей дѣятельности, сперва мускульно-осязательной и зрительной, а потомъ постепенно и другихъ дѣятельностей. Къ этому отрицанію реальности пространства самого по себѣ, присоединяется и отрицаніе реальности разныхъ пространствъ *кривыхъ* и болѣе, чѣмъ трехъ измѣреній, о которыхъ говорятъ такъ называемыя метагеометрическія и пангеометрическія доктрины ученыхъ математиковъ, но которыя не имѣютъ никакого реальнаго значенія. Эти доктрины представляютъ только условное и символическое

математическое ученіе, которое можетъ имѣть приложеніе въ разрѣшеніи чисто математическихъ задачъ. Кромѣ вопроса о природѣ пространства, въ четвертой книгѣ объясняются нѣкоторыя тѣсно связанныя съ нимъ понятія, особенно же относящіяся къ философіи Канта, както понятія: созерцанія, представленія, апріорности, вещи самой въ себѣ и проч. Въ той же книжкѣ по поводу критическаго разбора одного сочиненія есть объяснительная статья о понятіи бытія и времени.

Вотъ краткій перечень важнѣйшаго содержанія четырехъ книжекъ „Своего Слова“. Каждая книга содержитъ въ себѣ по нѣскольку полемическихъ и объяснительныхъ статей, рецензій, разборовъ и т. д. Все написано исключительно самимъ издателемъ. О содержаніи печатающейся пятой книжки мы не замедлимъ оповѣстить читателей, какъ только она появится.

Когда былъ основанъ второй философскій журналъ „Вопросы философіи и психологіи“ въ Москвѣ, ставившій себѣ задачею соединить разбросанныя силы русскихъ философовъ, то Козловъ принялъ въ этомъ журналѣ очень живое участіе, особенно въ началѣ. Не выходило почти ни одной книжки, которая не заключала бы въ себѣ хотя бы одной статьи или рецензіи Козлова, иногда даже нѣсколько. Больной и разслабленный, престарѣлый мыслитель оказался куда ретивѣе и производительнѣе многихъ своихъ здоровыхъ и младшихъ собратій по предмету.

Въ 1891 Козловъ со своимъ семействомъ переселился изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ проживаетъ и до сихъ поръ. Большую часть дня ему приходится проводить на одрѣ болѣзни. Недостатокъ движенія физическаго по неволѣ приходится возмѣщать усиленнымъ движеніемъ мысли. Онъ почти постоянно занятъ чтеніемъ. Держась стариннаго правила nulla dies sine linea, онъ почти ежедневно что-нибудь диктуетъ. Этою правильностью и объясняется поразительная для старика производительность философскаго творчества.

Среди его многочисленныхъ философскихъ трудовъ окончательнымъ выраженіемъ его воззрѣній, какъ извѣстно, долженъ считаться, по преимуществу, оригинальный сборникъ „Свое Слово“.

Въ помѣщенныхъ тамъ „Бесѣдахъ съ петербургскимъ Сократомъ“ почтенный авторъ излагаетъ свои убѣжденія въ систематическомъ видѣ, пользуясь для того формою *діалога*. Эта литературная форма обыкновенно считается уже нѣсколько устарѣлою, но А. А. Козловъ мастерски владѣетъ ею и отлично пользуется всѣми преимуществами, какія она представляетъ именно для философскаго изложенія [1]), давая представлять и развивать различные puncta controversiae.

Нельзя не отмѣтить, что въ этихъ „бесѣдахъ“ авторъ выказалъ себя и большимъ мастеромъ философскаго стиля, и большимъ *художникомъ*. Діалоги эти, приписываемые авторомъ миѳическому псевдониму „Платону Калужскому“, не только могутъ претендовать на званіе строго философскихъ произведеній, но и смѣло могутъ быть причислены къ художественнымъ діалогамъ: они обладаютъ несомнѣнными эстетическими достоинствами, которыя обличаютъ въ авторѣ натуру, совмѣщающую въ себѣ выдающуюся способность къ логическому философскому мышленію съ поэтическимъ дарованіемъ. Всѣ совопросники Сократа очерчены очень живо и представляютъ собою не манекеновъ, а подлинныхъ живыхъ людей, обладающихъ каждый своимъ особеннымъ складомъ ума, темпераментомъ, выказывающихъ особенности званія, пола, возраста и, что всегда интересно,—національности. Собесѣдники петербургскаго Сократа—русскіе настолько же, какъ

---

[1]) Надобно замѣтить, что и на Западѣ нѣкоторые философы прибѣгаютъ къ этой же діалогической формѣ для изложенія своихъ задушевныхъ мыслей: такъ, напр., поступалъ почтенный старецъ *Secrétan* и др. Ср. *Teichmüller*, Reise in den Himmel.

всѣ собесѣдники заправскаго, Платонова Сократа—настоящіе эллины. Одинаковыми эстетическими достоинствами обладаютъ какъ персонажи, заимствованные А. А. Козловымъ у *Достоевскаго* (Красоткинъ, Карамазовъ), такъ и лица, созданныя его собственною фантазіею. У лицъ заимствованныхъ поддерживается и дорисовывается обликъ, данный имъ Достоевскимъ; самъ же *Сократъ съ Песковъ* (равно и кое-кто изъ окружающихъ его) есть новый, чрезвычайно любопытный и оригинальный типъ, введенный авторомъ въ русскую литературу и тоже настоящій русскій по духу, по способу выраженія, по манерамъ и по образу жизни.

Сократъ осторожно и послѣдовательно развиваетъ свою метафизическую точку зрѣнія. Ему приходится бесѣдовать съ лицами самого разнообразнаго характера, направленія и образованія, случается иногда разговаривать и съ вовсе неподготовленными къ философской бесѣдѣ, которые подчасъ игнорируютъ философію или вообще,—или же во имя „точной“ науки; иногда ему попадаются, наконецъ, лица, вообразившія себя даже знатоками философіи, но въ своей невѣжественной нетерпимости презирающія въ частности то „ненаучное“ направленіе философіи, къ коему примыкаетъ Сократъ, наивно предполагая, что философію знать и о достоинствѣ каждаго философскаго направленія разсуждать можно, не посвятивши себя *спеціальному* изученію философіи. Какъ извѣстно, это—самый непріятный для настоящаго философа классъ людей, къ сожалѣнію, довольно многочисленный у насъ на Руси. На ихъ нападки приходится отвѣчать и защищаться довольно энергично: вѣдь и противники не щадятъ Сократа, стараются изловить его въ противорѣчіяхъ и, не сочувствуя его странной философіи, не церемонятся въ выраженіяхъ. Сократъ же не только побиваетъ противниковъ съ формально-логической стороны, но пытается еще привести оппонентовъ къ сознанію ихъ собственной философской неправоты, а лучшихъ изъ

нихъ и наименѣе затемненныхъ разными предразсудками намѣревается даже склонить на свою сторону, завербовать въ свои ряды.

Этимъ обусловливаются два неоцѣненныя свойства діалоговъ Козлова, дѣлающія ихъ особенно пригодными для чтенія начинающими:

1) *Популярность*—не въ дурномъ смыслѣ банальности, а въ смыслѣ раціональной доступности и убѣдительности, необходимой философу, говорящему со слушателями, непосвященными и не прошедшими строгой школы философскаго мышленія (философской гимнастики), не обладающими спеціальными свѣдѣніями по исторіи философіи,

и 2) *Критическая обоснованность*, застрахованность отъ возраженій съ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія, философскихъ и внѣфилософскихъ, научныхъ и ненаучныхъ: они всѣ уже предусмотрѣны и безповоротно опровергнуты, отвергнуты—съ тактомъ и основательно. Этими качествами отличаются и бесѣды о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, какъ, напр., о понятіи бытія (во II и III книгахъ „Своего Слова“).

Тейхмюллеръ и Козловъ часто касаются однихъ и тѣхъ же проблемъ и рѣшаютъ ихъ въ однаковомъ духѣ. Но даже и знакомому съ сочиненіями Тейхмюллера весьма поучительно бываетъ вникнуть въ изложеніе Козлова и проштудировать его; равно и наоборотъ. Можно даже сказать, что для большинства читателей „Свое Слово“ Козлова, не говоря уже о большей доступности, гораздо полезнѣе сочиненій Тейхмюллера, которыя (за исключеніемъ немногихъ) предназначены для ученыхъ спеціалистовъ.

Козловъ излагаетъ проблемы ab ovo, обстоятельно, спокойно, медлительно; онъ постоянно снабжаетъ свое изложеніе историко-философскими справками и полными исчерпывающими контроверзами. Оцѣнить Тейхмюллера и наслаждаться его сочиненіями можетъ только спеціалистъ, получившій философ-

ское образованіе, притомъ еще сродный ему по натурѣ,—кто самъ такой же неугомонный боецъ и обладаетъ пылкостью духа, кто склоненъ къ язвительному персифляжу. Эти свойства изложенія сразу возстановляютъ противъ себя многихъ при чтеніи Тейхмюллера. Козловъ тоже страстный боецъ, но онъ не налетаетъ на врага блестящею кавалерійской аттакою, а даетъ ему развернуться полнымъ фронтомъ; онъ выслушиваетъ врага съ тонкою сократическою ироніей и хитро заводитъ его въ такія дебри и пропасти, что, очутившись въ нихъ, его противникъ самъ ужасается, вполнѣ сознавая въ то же время смѣшную сторону своего положенія.

„Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“; Козловъ и Тейхмюллеръ идутъ въ философіи къ одной цѣли, но Козловъ идетъ *своею* дорогой. Его манера письма и изложенія, самый способъ изслѣдованія совершенно разнятся отъ Тейхмюллера. Послѣдняго можно уподобить смѣлому географу-путешественнику, который, впервые ступая на нехоженные пути и проникая въ невѣдомыя дотолѣ страны, весь поглощенъ созерцаніемъ открывающихся предъ нимъ перспективъ и въ первомъ восторгѣ набрасываетъ бѣглый, но весьма точный абрисъ пройденной дороги и пунктовъ, важныхъ съ его точки зрѣнія. Этотъ маршрутъ, эта съемка мѣстности на глазъ, эти наброски карандашомъ, не прибѣгая къ чертежнымъ и съемочнымъ инструментамъ, съ помощью одной лишь подзорной трубки или полевого бинокля, драгоцѣнны: они даютъ вѣрное понятіе о духѣ мѣстности; но они могутъ страдать еще пробѣлами, т. е. они могутъ казаться не безусловно убѣдительными. Разные критики, правда, спокойно сидящіе дома и не отваживающіеся послѣдовать его смѣлому примѣру, могутъ ехидно придраться и заподозрить точность наблюденій и записей. Козловъ же, продолжая сравненіе, это—трудолюбивый и спокойный землемѣръ-топографъ, который, получивъ первыя записи, идетъ въ ту же страну провѣрять перваго смѣльчака-путешественника, направ-

лявшаго „руль къ землѣ, еще не открытой, но уже посредствомъ вѣрныхъ умозаключеній познанной“ [1]), и благополучно вступившаго на берегъ этой открытой имъ новой земли. Козловъ идетъ уже съ цѣлымъ тяжелымъ обозомъ, онъ производитъ подробную геометрическую и геодезическую съемку и старается собственными соображеніями и указаніями подтвердить и доказать вѣрность первоначальнаго чертежа, защитить его отъ пустыхъ нападокъ злобныхъ, но не всегда справедливыхъ критиковъ, которые изъ своего угла не видятъ „прекраснаго далека“ и „первоначальную похвальную скромность превращаютъ въ нестерпимую тираннію ограниченныхъ головъ“ [2]).

Библіографическія и прочія приложенія къ этой статьѣ читатель найдетъ въ концѣ книги.

---

[1]) «Безсмертіе души» *Тейхмюллера*, русскій переводъ, стр. 196.

[2]) Тамъ же, стр. 68.

II.

Воспоминаніе о Г. Тейхмюллерѣ.

Lass'nicht ungerühmt mich zu den
Schatten hinabgehn!
(Goethe).

Хотя Г. Тейхмюллеръ и не писалъ по русски, и потому не можетъ въ прямомъ смыслѣ быть причисленъ къ русскимъ философамъ, но онъ имѣлъ въ Россіи множество учениковъ по дерптскому университету, гдѣ онъ состоялъ 18 лѣтъ профессоромъ философіи. Изъ числа его учениковъ нѣкоторые стали спеціалистами и сами дѣйствуютъ нынѣ въ качествѣ профессоровъ философіи въ Императорскихъ Россійскихъ университетахъ, какъ Я. Ф. Осе въ Юрьевѣ, пишущій эти строки—въ Казани (ранѣе въ Юрьевѣ) и до него въ Казани же В. Ф. Лютославскій (нынѣ въ Испаніи). Вотъ почему я и рѣшился дать Г. Тейхмюллеру мѣсто въ своей книгѣ по исторіи философіи въ Россіи.

Когда я болѣе, чѣмъ добрыхъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ собирался въ Дерптъ (куда меня манила возможность всецѣло посвятить себя изученію философіи на существовавшемъ тогда спеціальномъ отдѣленіи философіи при историко-филологическомъ факультетѣ) и естественно интересовался, кто въ тамошнемъ университетѣ философъ, который станетъ моимъ руко-

водителемъ въ занятіяхъ, то я услыхалъ въ отвѣтъ совершенно мнѣ неизвѣстное и чуждое имя Тейхмюллера. А я и тогда уже не считалъ себя совершеннымъ профаномъ въ философіи. Еще въ гимназіи я читалъ философскія и богословскія книги (между прочимъ проштудировалъ Куно Фишера „Исторію новой философіи“ въ переводѣ покойнаго Н. Н. Страхова), прослушалъ курсъ философіи въ Казанскомъ университетѣ у нынѣшняго моего уважаемаго сотоварища по каѳедрѣ, проф. А. И. Смирнова, не пропускалъ ни одной философской статьи въ журналахъ, состоялъ подписчикомъ перваго на Руси философскаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“ А. А. Козлова, зналъ имена разныхъ германскихъ профессоровъ философіи Риля, Лааса, Авенаріуса, Горвича и присныхъ, но о Тейхмюллерѣ не слыхивалъ. Теперь дѣло обстоитъ иначе: въ обращеніе среди русской читающей публики уже пущено около полутысячи экземпляровъ переводовъ сочиненій Тейхмюллера, о немъ появились цѣлыя статьи, выходятъ книги его учениковъ. Теперь русскій читатель, слѣдящій за философской литературою даже и на одномъ русскомъ языкѣ, имѣетъ возможность услышать о Тейхмюллерѣ и даже ознакомиться съ его ученіемъ. И мнѣ пріятно думать, что этотъ успѣхъ въ нѣкоторой степени обязанъ моимъ личнымъ усиліямъ.

Изо всѣхъ чисто русскихъ спеціалистовъ по философіи я—единственный личный ученикъ Тейхмюллера. Всякая подробность жизни замѣчательнаго человѣка заслуживаетъ почтительнаго и заботливаго сохраненія. Я давно уже чувствую потребность и какбы нравственный долгъ изложить мои воспоминанія о Тейхмюллерѣ, моемъ незабвенномъ учителѣ. Въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда мнѣ удастся выполнить свое намѣреніе болѣе обстоятельно, я пользуюсь настроеніемъ, навѣяннымъ на меня 10-мъ маемъ с. г., годовщиной его смерти, чтобы набросать кое-что изъ того, что̀ хранится въ моей памяти относительно Тейхмюллера. Прежде чѣмъ

я коснусь своихъ личныхъ отношеній къ нему, я напомню нѣсколько общихъ біографическихъ данныхъ.

Густавъ Августовичъ Тейхмюллеръ родился въ Брауншвейгѣ 19 ноября 1832 г. Его отецъ былъ офицеръ, его мать происходила изъ семейства, глава котораго имѣлъ какое-то мѣсто въ придворномъ штатѣ. Любопытно, что это родство несомнѣнно отражалось въ нашемъ мыслителѣ, своеобразно сказываясь въ немъ его невольнымъ и глубокимъ почтеніемъ предъ титулами и званіями. Онъ получилъ очень хорошее воспитаніе, проявлявшееся въ свѣтскости и изяществѣ его манеръ. Учился Тейхмюллеръ сначала въ гимназіи своего роднаго города и еще на школьной семьѣ заинтересовался философскими вопросами, а именно теоріею эстетики, съ которою первоначально ознакомился по Гегелю, а потомъ слѣдуя совѣту учителя, и по первоисточнику—по Аристотелю. Съ 1852 года молодой Тейхмюллеръ посвятилъ себя спеціальному изученію философіи въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго Тренделенбурга, автора „Логическихъ изслѣдованій“. Эта встрѣча имѣла рѣшающее значеніе для направленія занятій студента и для первыхъ шаговъ его литературной карьеры.

Адольфъ Тренделенбургъ, одинъ изъ преемниковъ по каѳедрѣ Гегеля, принадлежалъ къ числу жестокихъ противниковъ его. Съ другой стороны, не будучи въ силахъ создать собственнаго философскаго направленія, онъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ философской литературы и по справедливости долженъ считаться однимъ изъ основателей нынѣшней точной историко-философской методы (столь прославленный въ наши дни трудами Эдуарда Целлера), которую онъ прилагалъ, преимущественно, къ изученію Аристотеля и отношенія его мыслей къ позднѣйшимъ доктринамъ („исторія категорій“). Если принять во вниманіе, что въ Германіи, да и въ другихъ странахъ среди представителей философіи нынѣ господствуетъ

пристрастіе къ занятіямъ *исторіею* философіи предпочтительно передъ философскимъ оригинальнымъ творчествомъ въ противоположность системнымъ увлеченіямъ философовъ, современниковъ Гегеля и Шеллинга, то намъ станетъ ясно, какую большую роль игралъ въ этомъ поворотѣ интересовъ философскаго изслѣдованія—Тренделенбургъ, смѣнившій на Берлинской, вліятельной каѳедрѣ и Гегеля, и Шеллинга. Сообразно направленію своего учителя, и Тейхмюллеръ засѣлъ за Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ мудрецовъ, за изученіе фактовъ. Но весьма интересно, что Тренделенбургъ, самъ человѣкъ факта, не былъ односторонним. Онъ направилъ вниманіе своего ученика, кромѣ филологіи, также на естественныя науки и посовѣтовалъ ему заниматься анатоміею, физіологіею и проч. Благодаря такому руководительству, изъ Тейхмюллера выработался съ одной стороны усидчивый классикъ-филологъ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи почетное имя (имя Тейхмюллера занесено въ спеціальный списокъ нѣмецкихъ филологовъ); съ другой стороны, Тейхмюллеръ вышелъ большимъ любителемъ и (для неспеціалиста) знатокомъ естествовѣдѣнія: его лекціи изобиловали примѣрами изъ области естественныхъ наукъ. Намъ извѣстно, что Тейхмюллеръ вплоть до самой смерти усердно посѣщалъ нѣкоторыя лекціи по естественнымъ и медицинскимъ наукамъ.

Въ 1856 г. Тейхмюллеръ получилъ въ Халле степень „доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ“. Но періодъ беззаботнаго изученія наукъ безъ необходимости практической дѣятельности окончился для него еще ранѣе. По смерти отца онъ остался безъ денегъ и принужденъ былъ зарабатывать себѣ средства къ существованію, долженъ быть искать мѣста. Подобно весьма многимъ нѣмецкимъ философамъ, онъ началъ съ мѣста домашняго учителя и воспитателя дѣтей.

Въ 1855 г. онъ поступилъ на службу въ домъ генерала Вертера, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ въ

Петербургъ германскимъ посланникомъ. Вмѣстѣ съ семьею Вертера Тейхмюллеръ пріѣхалъ въ Россію. Черезъ 2 года онъ покинулъ свое мѣсто и поступилъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ училище при лютеранской церкви св. Анны. Въ женскомъ отдѣленіи того же училища молодой докторъ философіи преподавалъ педагогику; и вотъ одна изъ ученицъ, плѣненная его краснорѣчіемъ и эрудиціею, стала его женою. Въ 1860 г. Тейхмюллеръ вернулся заграницу и поступилъ приватъ-доцентомъ въ Гёттингенскій университетъ, гдѣ свелъ дружбу со знаменитымъ философомъ Г. Р. Лоцце и съ Г. Риттеромъ, извѣстнымъ въ свое время авторомъ многотомной исторіи философіи.

Жизнь приватъ-доцентовъ при германскихъ университетахъ, не получающихъ, кромѣ гонорара отъ слушателей, никакого пособія или жалованья, вообще не красна, если они, подобно Тейхмюллеру, не имѣютъ собственныхъ средствъ. Пошли дѣти, а начинающему ученому приходилось ютиться съ семьей въ одной комнатѣ. Онъ самъ разсказывалъ намъ, какъ бывало за однимъ и тѣмъ же столомъ и за одною лампою его жена убаюкивала младенца, а онъ сидѣлъ съ непзмѣнною книгою, по большей части, съ греческими текстами Аристотеля, котораго онъ проштудировалъ отъ доски до доски. Потомъ, когда средства явились, и его тесть, очень богатый помѣщикъ, сталъ помогать Тейхмюллеру, новое тяжелое горе посѣтило его: умерла его нѣжно и горячо любимая молоденькая жена...

Потрясенный этой смертью Тейхмюллеръ, предпринялъ для разсѣянія въ 1862 г. большое путешествіе на востокъ, которое длилось около $1^1/_2$ лѣтъ. По возвращеніи въ Гёттингенъ онъ возобновилъ свою педагогическую дѣятельность, пользовавшуюся большимъ успѣхомъ. Но только въ 1867 г. онъ добился званія экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ приглашеніе ординарнымъ про-

фессоромъ въ Базель, гдѣ онъ завязалъ многочисленныя и пріятныя сношенія. О базельской порѣ своей жизни онъ всегда впослѣдствіи вспоминалъ, какъ о пріятнѣйшемъ времени.

Въ 1870 году совѣтомъ дерптскаго университета Тейхмюллеръ былъ выбранъ на каѳедру философіи на мѣсто выслужившаго 25 лѣтъ и провалившагося на вторичныхъ выборахъ гербартовца Штрюмпеля, нынѣ доживающаго свой долгій вѣкъ въ Лейпцигѣ почетнымъ профессоромъ. Въ Юрьевѣ Тейхмюллеру суждено было уже оставаться до конца своихъ дней. Здѣсь онъ написалъ всѣ свои наиболѣе замѣчательные труды. Скончался онъ 10 мая 1888 года послѣ долговременныхъ жесточайшихъ страданій. Вскрытіе показало ракъ желудка и расширеніе послѣдняго. Если не ошибаюсь, желудокъ его былъ сохраняемъ въ числѣ препаратовъ юрьевскаго университетскаго патолого-анатомическаго театра.

Тейхмюллеръ былъ очень плодовитымъ писателемъ. Онъ написалъ всего около 20 томовъ сочиненій (не все написанное имъ издано и напечатано), не считая мелкихъ статей и рецензій въ повременныхъ изданіяхъ. Но его сочиненія (кромѣ „Безсмертія души“) не приносили ему почти никакого матеріальнаго заработка.

Его литературная дѣятельность распадается на три періода. Сначала, онъ, повидимому, не думалъ стать системнымъ философомъ. Все написанное имъ до Юрьева вѣрно тренделенбурговой традиціи и посвящено Аристотелю. Затѣмъ онъ расширяетъ лишь область своихъ занятій по исторіи философіи на досократиковъ и Платона. Въ этомъ направленіи онъ, какъ извѣстно, достигъ блестящихъ результатовъ; онъ разбилъ господствовавшее целлерово пониманіе платонисма и возсоздалъ философію Анаксимандра и Гераклита. Мало по малу онъ переходитъ и къ системной философіи, правда, высказываясь по случайнымъ поводамъ. Такъ „Безсмертіе ду-

ши", „Сущность любви", „Эмансипація женщинъ"—циклы публичныхъ лекцій съ благотворительной цѣлью; „Дарвинисмъ и философія",—актовая рѣчь, возникшая изъ споровъ и собесѣдованій съ великимъ естествовѣдомъ К. Э. Бэромъ, который жилъ въ Дерптѣ на покоѣ. Только въ своей „Метафизикѣ" Тейхмюллеръ выходитъ на настоящую дорогу. Хотя онъ и послѣ этого отвлекается въ сторону исторіи философіи (преимущественно, по вопросу о хронологіи платоновыхъ діалоговъ) но онъ успѣлъ самъ еще издать „Философію религіи", гдѣ представилъ весьма оригинальную систему раздѣленія религій. Въ послѣдніе годы онъ работалъ надъ обширнымъ трудомъ „Теологикою" или философскимъ ученіемъ о Богѣ съ точки зрѣнія истинно-христіанской метафизики. Этой задачи онъ не успѣлъ выполнить. Часть этого труда, касающаяся „Новыхъ основоположеній психологіи и логики" была издана послѣ его смерти однимъ изъ его учениковъ. Нынѣ подготовляется къ изданію другая часть этого посмертнаго труда, оставшаяся почти въ окончательно обработанномъ видѣ, именно „Философія исторіи".

Со стороны внутренней или со стороны содержанія литературныхъ произведеній Тейхмюллера, онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ историкъ философіи, и какъ системный мыслитель. Эти двѣ стороны его дѣятельности идутъ параллельно и довольно независимо другъ отъ друга, хотя и имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Какъ историкъ философіи, онъ, выступивши первоначально ученикомъ Тренделенбурга и приверженцемъ его методы, разработалъ и усовершенствовалъ ее, придавъ ей характеръ „исторіи понятій". Научная извѣстность Тейхмюллера заграницей покоится, преимущественно, на этихъ историческихъ работахъ. Ни одно изслѣдованіе, появляющееся о Платонѣ и Аристотелѣ, либо объ Анаксимандрѣ и Гераклитѣ, не обойдется безъ разсчета съ теоріями Тейхмюллера. Но знающіе Тейхмюллера, какъ исто-

рика философіи, подчасъ совершенно не знаютъ его же, какъ мыслителя.

Гораздо менѣе (сравнительно) извѣстна его система. И здѣсь первоначально сказалось вліяніе Тренделенбурга, правда, отрицательно—въ смыслѣ предохраненія Тейхмюллера отъ увлеченія модною тогда Гегелевщиной и прочими оттѣнками универсализма. Но уже въ „Безсмертіи души“ онъ заявляетъ себя членомъ „той вольной общины, направленіе которой обозначается именами Лейбница и Лотце“. Я не стану здѣсь характеризовать его философскаго направленія, отчасти потому, что я уже касался этого вопроса въ своей книгѣ „О понятіи искусства“, а отчасти и потому, что въ моей статьѣ „О главнѣйшихъ философскихъ направленіяхъ“ („Философія и литература“ томъ I, № 2) это направленіе охарактеризовано мною подъ именемъ „критическаго индивидуализма“ (самъ Тейхмюллеръ называетъ его „персоналисмомъ“). Для популярнаго ознакомленія очень удобна книжка самаго Тейхмюллера „Безсмертіе души“, вышедшая въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ подъ моею редакціей. Самое лучшее, что̀ написано о Тейхмюллерѣ, это—статья нашего высокоуважаемаго русскаго мыслителя А. А. Козлова въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, въ 24-й и 25-й книжкахъ за 1894 годъ. Тамъ представленъ краткій сводъ ученій Тейхмюллера, какъ мыслителя, и какъ историка, и блестяще охарактеризовано значеніе его дѣятельности. Для знакомыхъ съ итальянскимъ языкомъ я могу указать еще (не совсѣмъ удовлетворительную) монографію Filippo Masci—Un metafisico antievolutionista, Napoli, 1887.

Послѣ этого краткаго очерка, составленнаго нами отчасти по оффиціальнымъ и печатнымъ даннымъ, отчасти же по разсказамъ самого Тейхмюллера и его устнымъ намъ сообщеніямъ, мы позволимъ себѣ обратиться къ запасу своихъ лич-

ныхъ воспоминаній—на сей разъ, главнымъ образомъ, о дѣятельности Тейхмюллера, какъ преподавателя.

Тейхмюллеръ читалъ общіе курсы по исторіи философіи и логикѣ (также и педагогикѣ) въ самой большой аудиторіи № 5 для студентовъ двухъ факультетовъ: богословскаго и историко-филологическаго. Но и эта самая обширная аудиторія не вмѣщала въ себѣ всѣхъ желающихъ, несмотря на не особенно удобный, послѣобѣденный часъ (4—5 пополудни). На этихъ лекціяхъ намъ случалось видѣть (и очень часто) студентовъ другихъ факультетовъ, медиковъ, юристовъ, естественниковъ, аккуратно посѣщавшихъ курсъ и не пропускавшихъ ни одной лекціи. Тейхмюллеръ читалъ, или вѣрнѣе, „сказывалъ“ свои лекціи, стоя на каѳедрѣ, вѣроятно, по причинѣ своего малаго роста, не позволявшаго ему сидѣть, ибо въ противномъ случаѣ каѳедра закрывала бы его лицо отъ слушателей. Читалъ (по крайней мѣрѣ, общіе, неспеціальные курсы) безо всякихъ конспектовъ или тетрадей въ силу совершеннаго обладанія и предметомъ, и рѣчью. Лекціи обильно пересыпались объяснительными примѣрами изъ области естественныхъ наукъ, исторіи или изъ обыденныхъ отношеній, а также шутками и остротами. По своему живому и непосѣдливому характеру и изъ желанія лучше видѣть своихъ слушателей Тейхмюллеръ постоянно перебѣгалъ отъ одной стороны каѳедры къ другой, причемъ обѣ руки держалъ въ карманахъ брюкъ. Эта поза въ соединеніи съ постоянною улыбкой на устахъ придавала ему такой видъ, какъ будто свое трудное дѣло чтенія популярно-философской лекціи онъ дѣлаетъ шутя, „играючи“. Это даже шокировало нѣкоторыхъ,—преимущественно, тѣхъ людей, которые привыкли видѣть въ философѣ нѣкоего іерофанта, съ подобающею важностью и серьезомъ изрекающаго какія-то темныя, высокомѣрныя и непонятныя рѣчи. Такіе люди, несомнѣнно, предпочли бы на мѣстѣ Тейхмюллера видѣть какого-либо педанта, неподвижно возсѣдящаго на

каѳедрѣ и торжественно возглашающаго свою мнимую мудрость, недоступную непосвященнымъ. Съ этой стороны и создана была, вѣроятно, Тейхмюллеру кличка „der Begriffsspieler“ (игрокъ понятіями), и отсюда же исходило мнѣніе о Тейхмюллерѣ, какъ о человѣкѣ безъ всякихъ убѣжденій, и только необычайно ловкомъ діалектикѣ (на манеръ скептика Карнеада), готоваго что-угодно защищать и pro, и contra—тогда какъ трудно было найти человѣка, обладавшаго болѣе оригинальными и ясно формулированными мнѣніями, и болѣе убѣжденнаго въ правотѣ ихъ, какъ именно Тейхмюллеръ.

Съ внѣшней стороны чтеніе Тейхмюллера было прекрасно и доставляло положительное наслажденіе. Чтеніе было очень естественно, ударенія были логичны, строй рѣчи весьма простой. Немного непріятно дѣйствовалъ только голосъ—крикливое фистульное сопрано (въ общественномъ разговорѣ у Тейхмюллера былъ хрипловатый жиденькій тенорокъ); но и это сопрано поражало только въ началѣ.

Съ внутренней стороны изложеніе философскихъ доктринъ было безупречно и отличалось необычайною ясностью и общепонятностью. Хотя общіе курсы въ нѣмецкихъ университетахъ читаются вообще доступно и элементарно, но изложеніе Тейхмюллера выдавалось, какъ своею популярностью, такъ и глубокимъ содержаніемъ, не страдавшимъ отъ популяризаціи, что обличало большой талантъ оратора.

Въ старомъ дерптскомъ университетѣ не водилось литографированныхъ курсовъ: каждый студентъ велъ свою запись, свою тетрадь (Heft). Хотя я по пріѣздѣ въ Дерптъ и достаточно хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но всетаки не былъ еще въ состояніи записывать слышанное прямо по нѣмецки. Поэтому я дѣлалъ въ умѣ моментальный переводъ на русскій языкъ и записывалъ по русски главныя мысли лекціи въ ихъ постепенномъ развитіи, не пропуская ничего сущест-

веннаго. По счастливой случайности въ моихъ бумагахъ сохранилось начало перваго слышаннаго мною у Тейхмюллера курса по исторіи новой философіи. Уцѣлѣвшій листъ содержитъ вступленіе въ этотъ курсъ: объясненіе значенія и цѣли изученія философіи и ея исторіи и общія понятія объ историческихъ и историко-философскихъ методахъ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ изящной легкости и доступной даже ребенку образцовой популяризаціи философіи, я приведу нѣсколько отрывковъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были записаны мною на лекціяхъ Тейхмюллера въ первый семестръ моихъ занятій въ Юрьевскомъ университетѣ.

Первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію въ началѣ этого курса, есть: какое значеніе имѣетъ философія, и для чего ее изучать? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что знанія вообще—раздѣляются на 1) знанія спеціальныя, нужныя для того, чтобы занять какое-либо положеніе, и 2) знанія общеобразовательныя. Знанія послѣдняго рода подраздѣляются въ свою очередь на 4 разряда: I) знанія *религіозныя*. Человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ, преимущественно, тѣмъ, что имѣетъ религію; у животныхъ нѣтъ религіи. Человѣкъ же немыслимъ безъ религіи, или онъ есть просто животное, скотина. II) Знанія *этическія*, регулирующія отношенія человѣка къ подобнымъ и самому себѣ. Продуктомъ этихъ знаній является характеръ: образованный человѣкъ немыслимъ безъ характера. III) *Искусство*, какъ выраженіе жизни или отношенія человѣка къ жизни. Правда, не всякій можетъ и самъ быть художникомъ. Продуктомъ изученія искусствъ является *вкусъ*. Вкусъ сказывается въ отношеніи къ произведеніямъ искусства. Кто съ одинаковымъ чувствомъ читаетъ Гёте и какого-нибудь риѳмо-

плёта, тотъ не имѣетъ вкуса, и стало быть, необразованъ. IV) Такъ какъ человѣкъ—существо познающее, то нарождаются спеціальныя *науки.* Но есть *одна* наука, принимающая въ разсчетъ требованія всѣхъ наукъ и занимающаяся изслѣдованіемъ всѣхъ научныхъ методовъ и основныхъ понятій. Частныя науки, употребляя общія понятія, не изслѣдуютъ ихъ сами, а берутъ ихъ изъ общей сокровищницы языка, такъ сказать, на прокатъ. Этими „леммами“ и занимается наука-философія. Отсюда понятна важность изученія философіи. Изучивъ эту науку, мы уже сознательно будемъ употреблять общія понятія и въ жизни, и въ спеціальныхъ наукахъ, будемъ знать ихъ настоящее значеніе и способъ ихъ происхожденія въ разумѣ. Замѣтимъ, что въ составъ воспитанія и обученія всегда и во всѣ времена входятъ нѣкоторые элементы случайные и перемѣнные, какъ уступка модѣ и духу эпохи. Но перечисленные четыре элемента постоянны, встрѣчаются вездѣ и всегда, во всякомъ настоящемъ воспитаніи и не могутъ быть исключаемы изъ него.

Но не замѣняетъ ли религію философія, или наоборотъ? Находятся люди, считающіе одновременное существованіе религіи и философіи излишнею роскошью. Одни полагаютъ, что религія уже даетъ отвѣтъ на философскія задачи; другіе думаютъ, что философское изслѣдованіе упраздняетъ вѣру. Но дѣло въ томъ, что религіи безъ богословія и богоученія не встрѣчается (развѣ лишь у квакеровъ). Богословіе же есть совокупность двухъ элементовъ: религіи и философскаго изслѣдованія. Обыкновенно: нѣтъ религіи, нѣтъ и богословія,— нѣтъ богословія, нѣтъ и религіи; эти элементы неразрывны,— и несправедливо сравненіе религіи и философіи съ ягненкомъ и волкомъ, запертыми въ одну овчарню. Мы видимъ на протяженіи исторіи цѣлые вѣка, когда философія была покорною служанкой религіи. Самая богословская догматика есть продуктъ философіи. Да и понынѣ въ католическихъ стра-

нахъ религія предписываетъ законы и наукѣ, и философіи. Такимъ образомъ, если уже говорить о главенствѣ и подавленіи, то скорѣе религія можетъ подавлять философію, а не наоборотъ. Но религія иногда и не можетъ обходиться безъ услугъ философіи. Такъ въ наше время скептицисмъ и невѣріе все выше и выше подымаютъ голову. Иной и хотѣлъ бы вѣрить, да вѣра не подчиняется одной лишь волѣ. На какой же почвѣ можетъ религія бороться со скептицисмомъ, какъ не на почвѣ философіи, какъ не путемъ доказательствъ отъ разума? Итакъ, религія не должна отгонять отъ себя философію, а скорѣе для своихъ же цѣлей ей слѣдуетъ привлекать философію къ себѣ.

Философія и религія не могутъ конкуррировать еще и потому, что источники ихъ познанія совершенно различны. Вѣдь философія имѣетъ источникомъ одинъ только „чистый разумъ“. Если намъ возразятъ: почему, если дѣло только за разумомъ, въ философіи до и при Рождествѣ Христовомъ не было такихъ же понятій, что̀ теперь, то мы отвѣтимъ, что и философія развивается. Сравнимъ героевъ Гомера съ собою: какая разница между ихъ чувствованіями и нашими! Но какъ развиваются чувства, такъ развивается и разумъ. Культура ранѣе не представляла для разума такихъ объектовъ, какъ теперь. Но дѣло культуры шло впередъ, явились высшіе объекты, народилась и соотвѣтственная философія.

Рѣшимъ теперь второй вопросъ: зачѣмъ изучать *исторію* вообще и исторію философію въ частности? На это замѣтимъ: во первыхъ, только зная исторію, индивидъ можетъ жить жизнью сознательною; во вторыхъ, полезнымъ гражданиномъ человѣкъ можетъ быть лишь при знаніи исторіи. Приступая къ обсужденію какого бы то ни было общественнаго вопроса, мы можемъ только съ помощью исторіи достигнуть правильнаго сужденія. Не зная исторіи предмета, „какъ было дѣло“, мы не знаемъ, какъ и отнестись къ тому или другому явле-

нію. Итакъ, изученіе исторіи для насъ полезно непосредственно практически, ибо съ ея помощью мы упрачиваемъ свое общественное положеніе.

Далѣе. Обратимся къ исторіи философіи. Какъ существуетъ не одна только религія, такъ есть и не одна философія Религію мы принимаемъ въ дѣтствѣ, безъ участія нашей собственной воли; вступая въ зрѣлый возрастъ, мы начинаемъ относиться къ ней уже сознательно и дѣлаемъ свой выборъ. Точно также безсознательно и съ дѣтскихъ лѣтъ мы воспринимаемъ и какую-либо извѣстную философію черезъ другія науки, черезъ языкъ и т. д. Вездѣ, въ томъ числѣ и во всѣхъ наукахъ мы находимъ какія-либо философскія партіи. Чтобы судить правильно объ одной партіи, надобно знать всѣ партіи, а такое знаніе доставляетъ намъ исторія философіи. Итакъ, исторію философіи мы изучаемъ для того, чтобы оріентироваться среди философскихъ школъ и умѣть, напр., любую попавшую намъ въ руки книгу причислить къ извѣстному философскому направленію. Если скажутъ, что составитель этой книги (лекція вторая) не задавался философскими задачами, т. е. былъ натурою не философскою, то это—неправда. Всякій образованный человѣкъ употребляетъ массу понятій, въ которыхъ абстрактно выражается его отношеніе къ жизни, его философское направленіе. Всякое образованіе имѣетъ философскую подпочву. Всякая книга есть отпечатокъ такъ называемаго духа времени: а этотъ „духъ времени“ и есть философія соотвѣтственной эпохи. Кто желаетъ опредѣлить духъ какого-либо времени, тотъ долженъ охарактеризовать философію этого періода. Исторія философіи даетъ намъ возможность, между прочимъ, судить о книгахъ и производить надлежащій выборъ ихъ для чтенія и изученія: какъ при оцѣнкѣ лошадей мы называемъ расу ея (несмотря на то, что всегда есть нѣсколько степеней достоинства въ каждой расѣ), и этимъ приблизительно опредѣляемъ цѣну ло-

шади, такъ, причисляя книгу къ извѣстному философскому направленію, мы предрѣшаемъ ея оцѣнку. Наше изложеніе исторіи философіи будетъ *аристократично*, т. е. мы будемъ заниматься изученіемъ системъ однихъ только крупныхъ философовъ, опуская мелкихъ. Въ исторической наукѣ есть вообще два направленія: одно (Бэккль и др.) предполагаетъ, что историческія событія суть результаты совокупности безконечно малыхъ единичныхъ дѣятельностей; въ историческомъ движеніи главную роль играютъ де массы. Другое—аристократическое (Ранке, Карлейль) учитъ, что въ историческомъ процессѣ главная роль принадлежитъ геніямъ. При этомъ нѣтъ надобности отрицать, что также имѣетъ мѣсто и вліяніе окружающихъ обстоятельствъ или среды; но всѣхъ вліяній не было бы достаточно, чтобы произвести событіе, не явись генія: такъ реформація—дѣло Лютера. Первое мнѣніе неудовлетворительно, ибо даетъ просторъ случайности,—простому механическому воздѣйствію, не направляемому разумомъ. По второму—въ мірѣ господствуетъ разумъ, личная воля, субъективный починъ. Человѣкъ по своему образованію всегда—дитя своего вѣка; но главный факторъ въ немъ—субъективный разумъ, реагирующій на воздѣйствія внѣшняго міра. Такъ, извѣстно, что у Шекспира было не мало предшественниковъ, обрабатывавшихъ нерѣдко тѣ же самые сюжеты. Кто же скажетъ, однако, что де его геніальныя драмы—не дѣло его субъективнаго личнаго генія, а просто продуктъ среды, явившійся въ силу независившихъ отъ самого Шекспира обстоятельствъ. Источникъ всѣхъ творческихъ силъ заключается въ ниспосланной отъ Бога природѣ или психической организаціи человѣка. Геній пролагаетъ новые пути. Бисмаркъ единолично возсоединилъ Германію въ одно государство. Исторія наукъ представляетъ также разительные примѣры значенія личности: что было бы съ астрономіею и математикою безъ Ньютона и Лей-

бница? Итакъ, обстоятельства даютъ для нашей дѣятельности только тему или предметъ.

Полное изложеніе всѣхъ данныхъ исторіи философіи было бы уже не философскимъ, а филологическимъ или историко-литературнымъ. Для изученія всесторонняго особенно рекомендую *Риттера* „Исторію христіанской философіи". Обращаю ваше вниманіе на ошибку въ заглавіи: эпитетъ „христіанская" долженъ обозначать здѣсь философію, бывшую послѣ Рождества Христова; а мало ли было за это время философскихъ системъ, ничего общаго не имѣвшихъ съ христіанствомъ? Кромѣ того, послѣ Возрожденія вошелъ въ моду греческій языкъ, „изобрѣтеніе дьявола," а вмѣстѣ съ нимъ и греческая философія, имѣвшая чрезвычайно большое вліяніе на новыхъ мыслителей, такъ что при объясненіи новыхъ философовъ намъ зачастую придется прибѣгать къ доктринамъ древнегреческимъ.

Конечно, мы будемъ изучать исторію философію *критически*. Но какіе же будутъ у насъ критеріи? I) Не взять ли намъ критерій *церковно-христіанскій*? Но тогда у насъ получится не философское изученіе, а богословское. Нужно замѣтить, что а) богословіе имѣетъ свою особенную точку зрѣнія на философскія явленія, и б) что есть системы, которыя вовсе отрицали церковь и ея авторитетъ. Справедливо ли будетъ прилагать къ нимъ такой критерій? II) Можно взять критерій, общій съ Риттеромъ. Такъ какъ партійная или полемическая критика, которую приверженецъ другой партіи не станетъ признавать, не годится, то, быть можетъ, удобнѣе взять критеріемъ *общественное* мнѣніе, allgemeine Meinung, opinion publique. Такое мнѣніе образуетъ какбы выводъ изъ частныхъ мнѣній даннаго времени. Для большинства это—самая высшая точка зрѣнія, своего рода „Св. Духъ": вѣдь иные менѣе преклоняются предъ предписаніями религіи, чѣмъ предъ модою или общимъ мнѣніемъ. Этотъ критерій неудобенъ, глав-

нымъ образомъ,—тѣмъ, что весьма трудно опредѣлить „общее“ мнѣніе по одному какому-либо спеціальному, и тѣмъ болѣе философскому вопросу. Неученыхъ и некомпетентныхъ людей считать нечего, а ученые далеко не всегда рѣшаются высказать свое мнѣніе. Рѣшительныя, но не всегда справедливыя мнѣнія высказываются только въ газетныхъ передовицахъ. Какъ же тутъ поступить? Не считать же голоса общимъ плебисцитомъ! Вѣдь люди неравны разумомъ. Одинъ голосъ бываетъ иногда правильнѣе десятка тысячъ голосовъ; одинъ человѣкъ измѣняетъ подчасъ мнѣнія многихъ тысячъ. До Коперника надъ пиѳагорейцами смѣялись всѣ, не исключая Аристотеля и Птоломея. Какъ, напр., руководясь общественнымъ мнѣніемъ, рѣшить вопросъ объ историческомъ значеніи реформаціи? Католики будутъ яро отрицать всякую пользу ея, а протестанты станутъ защищать великое значеніе реформаціи въ исторіи западно-европейскихъ народовъ.... Остается III) критерій Тренделенбурга или такъ называемая *имманентная* критика. Въ этомъ случаѣ изыскиваютъ, какую задачу ставилъ себѣ самъ философъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, а затѣмъ опредѣляютъ, насколько каждый философъ выполнилъ эту свою задачу. Такой критерій кажется намъ наиболѣе пригоднымъ и справедливымъ. Для контроля и провѣрки хорошо обращать особенное вниманіе на полемику противниковъ. Всякое замѣчательное произведеніе вызываетъ полемику. А полемизировать начинаютъ лишь тогда, когда замѣчаютъ у противника ошибку, или недочетъ, или внутреннее противорѣчіе. Этими полемическими указаніями задача историка въ нѣкоторыхъ случаяхъ упрощается и облегчается. При оцѣнкѣ какой-либо философской доктрины въ видахъ большаго безпристрастія необходимо пользоваться *сравнительно-критическимъ* методомъ (лекція III). Мы сравниваемъ философа, во первыхъ, съ мыслителями, ему современными, и такимъ образомъ устанавливаемъ его относительную величину, т. е. насколько онъ пре-

восходилъ своихъ современниковъ. Затѣмъ, чтобы опредѣлить, такъ сказать, абсолютное значеніе какого-либо новаго философа, мы сравниваемъ его ученіе съ ученіемъ греческихъ философовъ; тогда мы видимъ, далеко ли онъ ушелъ отъ нихъ. Вѣдь у грековъ имѣлись уже всѣ существующія нынѣ ученія, хотя нѣкоторыя и въ зачаточномъ состояніи. Вся новая философія испытала, напр., величайшее вліяніе со стороны Аристотеля: безъ него не было бы догматики, патристики, схоластики. Такимъ образомъ для всякой доктрины мы получаемъ генетическое объясненіе. Мы можемъ прослѣдить возникновеніе и развитіе всякаго понятія, мы можемъ изобразить „исторію понятій“. Посредствомъ сравненія же мы можемъ подмѣтить односторонность въ дѣлѣ философіи, проявляющуюся иногда у нѣкоторыхъ народовъ: въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ одинъ народъ занимается излюбленною философскою дисциплиной (какъ англичане—моралью).

Наконецъ *четвертымъ*, тоже важнымъ критеріемъ будетъ наше собственное мнѣніе. При всякомъ обсужденіи мы въ значительной степени руководствуемся собственнымъ вкусомъ, т. е. тѣмъ, нравится ли намъ извѣстное положеніе. Эта субъективная точка зрѣнія не всегда вѣрна, но неизбѣжна. Ею объясняется тотъ странный, повидимому, фактъ, что иногда и докажешь, а не убѣдишь. Относиться къ философіи безъ всякаго чувства, съ однимъ разумомъ—граничило бы съ полнымъ безразличіемъ: т. е. мы тогда не *интересовались бы* философіею. Чувство придаетъ изученію философіи особый личный, индивидуальный интересъ.

Кромѣ обязательныхъ и публичныхъ курсовъ, Тейхмюллеръ читалъ въ университетѣ же по вечерамъ (7—8) и спеціальные, необязательные курсы—для слушателей, ближе интересующихся философіею. На этихъ лекціяхъ бывало народу

меньше, но всетаки обыкновенно не меньше человѣкъ 15—20. Такіе курсы обыкновенно посвящались тѣмъ вопросамъ и дисциплинамъ, которые въ данный моментъ интересовали самого Тейхмюллера, и о которыхъ онъ подготовлялъ сочиненіе. Такимъ образомъ я слушалъ въ числѣ этихъ курсовъ между прочимъ „философію христіанства“ (*съ разборомъ и критикою Евангелій*) и „философію исторіи“.

Третій разрядъ лекцій Тейхмюллера состоялъ въ его практическихъ занятіяхъ—у себя на дому, обыкновенно по текстамъ Аристотеля (иногда Платона), а именно, самыхъ труднѣйшихъ мѣстъ, напр., „Метафизики“ и „Физики“, или „Парменида.“ Тейхмюллеръ строго поддерживалъ тренделенбургову традицію и ни одного семестра не оставлялъ безъ Aristotelisches Practicum (эту традицію, къ слову сказать, и я лично до сихъ поръ поддерживалъ за все время моей преподавательной дѣятельности). Далѣе, когда эти практическія занятія посвящались другимъ предметамъ, напр., философскому коллоквіуму, образовывался четвертый разрядъ философскихъ занятій—по аристотелевымъ текстамъ для наиболѣе подготовленныхъ. Практическія занятія велись Тейхмюллеромъ на дому обыкновенно по субботамъ съ 5—7. Участники этихъ вечеровъ, навѣрное, не разъ съ восхищеніемъ вспоминаютъ объ нихъ и о нашемъ учителѣ, засѣдавшемъ посреди насъ у того же переддиваннаго стола въ залѣ съ сигарою или длинною трубкой въ рукахъ. Напряженныя занятія смѣнялись иногда непринужденною бесѣдою о посторонникъ предметахъ, особенно въ серединѣ, когда подавался чай или кофе. Всякій велъ себя непринужденно, высказывался весь, безъ заднихъ мыслей.

Какое чувство всего естественнѣе вызывается въ насъ образомъ нашего любимаго умершаго учителя? Сожалѣніе объ его утратѣ, сожалѣніе о томъ, что пользовался его уроками гораздо меньше времени, чѣмъ хотѣлось бы. Это чувство я неоднократно испытывалъ, стоя на старомъ нѣмецкомъ клад-

бищѣ въ Юрьевѣ у маленькой могилы, почти закрытой деревьями, надъ которой водруженъ простой полированный мраморный крестъ—съ незатѣйливою, но многознаменательною надписью: Gustav Teichmüller. 1832—1888.

Ниже мы приводимъ списокъ сочиненій и статей Г. Тейхмюллера. Замѣтимъ, что многое еще не издано и хранится въ рукописи у дѣтей покойнаго. Біографическій очеркъ его составленъ моимъ товарищемъ *В. Ф. Лютославскимъ* и помѣщенъ въ Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenchaft begründet von Conrad Bursian herausgegeben von Iwan v. Müller, ord. öffentl. Prof. der classichen Philologie an der Universität Erlangen. Siebenundfünfzigster Band. Bibliotheca philologica classica 1889.—Biographisches Jahrbuch 1888.—Anzeigeblatt. Berlin. 1890 (Verlag von S. Calvary и C° W. Unter den Linden 17).—Biographisches Jahrbuch. (Gustav Teichmüller) стран. 13—14.

Списокъ сочиненій и статей Г. Тейхмюллера.

1) Die Aristotelische Eintheilung der Verfassungsformen. St. Petersburg, 1859.

2) Die Einheit der Aristotelischen Eudämonie. St. Petersburg, 1859.

3) Zur Frage über die Reihenfolge der Bücher in der Aristotelischen Politik (im Philologus 1860, 4, S. 164 ff.).

4) Aristotelische Forschungen. Bd. I. Beiträge zur Erklärung der Poëtik des Aristoteles. Breslau 1867.

5) Ueber die Differenz von Tragödie und Epos bei Aristoteles (in den Verh. deutsch. Phil. und Schulm. in Halle. October 1867 S. 48 ff.)

6) Aristotelische Forschungen. Bd. II. Aristoteles' Philosophie der Kunst. Breslau 1869.

7) Aristotelische Forschungen. Bd. III. Geschichte des Begriffs der Parusie. Breslau 1873.

8) Die Unsterblichkeit der Seele. Leipzig 1874 u II. A. 1879.

9) Studien zur Geschichte der Begriffe, 667, IX S. Frankfurt a. M. 1874.

10) Ungedruckte Briefe von Kant und Fichte (Z. f. Ph. u. ph. Kr. 1874.)

11) Ueber den Ursprung des Terminus ἐπαγωγή (im Philologus 1875 S. 567.)

12. Die Platonische Frage, eine Streitschrift gegen Zeller. Breslau 1876.

13) Neue Studien zur Geschichte der Begriffe. 3 Bde. Breslau 1876—1879.

14) Der Begriff des Raumes bei Lucrez (Rhein. Mus. 1877. S. 309 ff.).

15) Frauenemancipation. Leipzig 1877.

16) Darwinismus und Philosophie. Leipzig 1877.

17) Wahrheitsgetreuer Bericht über meine Reise in den Himmel, von Immanuel Kant. Breslau 1877.

18) Die Gemäldeausstellung in Dorpat: Ueber Landschaftsmalerei. Neue Dörptsche Zeitung, Januar 1878.

19) Zur Pädagogik der Elementarschulen. Baltische Monatsschrift 1878.

20) Pädagogische Fragen. Baltische Monatsschrift. 1879.

21) Charakteristik der Araber. Baltische Monatsschrift 1879.

22) Die Reihenfolge der Platonischen Dialoge. Leipzig 1879.

23) Das Wesen der Liebe. Leipzig. 1880.

24) Pädagogisches. Leipzig 1881.

25) Ueber ἐπαναγωγή und ἐπαγωγή, ἐπαναφέρειν und ἐπιφέρειν. Philologus 1881.

26) Literarische Fehden im IV. Jahrh. v. Chr. Breslau 1881.

27) Zur Erwiderung (auf eine anonyme Recension der L. F.) Philol. Rundschau, II. Jahrg. 1882 S. 958.

28) Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik. Breslau 1882.

29) Ueber den Ursprung des Bewusstseins (Z. f. Ph. u. Kr. 1883).

30) Literarische Fehden im IV. Jahrh. v. Chr. II. Bd. Breslau 1884.

31) Religionsphilosophie. Breslau 1886.

Рецензіи и Selbstanzeigen.

32) Thilo. Die theologisirende Rechts-und Staatslehre. Gött. gel. Anz. 1862. S. 131.

33) Trendelenburg. Naturrecht. Gött. gel. Anz. 1863.

34) Piderit. Gehirn und Geist. Gött. gel. Anz. 1864. S. 1154.

35) Hanne. Bekenntnisse oder drei Bücher vom Glauben. Allg. kirchl. Zeitschrift, 1865. S. 143.

36) Taine. Les philosophes français. Gött. gel. Anz. 1866. S. 401.

37) Teichmüller. Aristotelische Forschungen, I. Selbstanzeige. Gött. gel. Anz. 1866. S. 1935.

38) Eucken. De dicendi ratione. Gött. gel. Anz. 1866. S. 2027.

39) Trendelenburg. Historische Beiträge, III. Gött. gel. Anz. 1869. S. 1841.

40) Teichmüller. Geschichte des Begriffs der Parusie. Gött. gel. Anz. 1872. S. 2049.

41) Teichmüller. Studien zur Geschichte der Begriffe. Gött. gel. Anz. 1874. S. 1157.

42) Harms. Begriff der Psychologie. Gött. gel. Anz. 1875. S. 402.

43) Ritter und Preller. Historia philosophiae graec. et roman. Gött. gel. Anz. 1875. S. 1185.

44) Bywater. Heraclit. Gött. gel. Anz. 1877. S. 825.

45) Teichmüller. Ueber die Reihenfolge der Platon. Dialoge. Gött. gel. Anz. 1879. S. 1313.

46) Tocco. Ricerche Platoniche. Gött. gel. Anz. 1880. S. 257.

47) Tannery. Thales et ses emprunts á l'Égypte. Gött. gel. Anz. 1880. S. 1063.

48) Porter. Physiological Metaphysics. Gött. gel. Anz. 1880. S. 1139.

49) Ritter. Dr. B. Die Grundprincipien der Aristotelischen Seelenlehre. Phil. Rundsch. 1880. S. 98.

50) Mettig. Katharina von Siebenbürgen. Lit. Centr. Mai 1880.

51) Sillén. Platonis de antiquissima philosophia testimonia. Phil. Rundschau 1882. S. 45.

52) Friesendorff. Grundriss der Unterrichtslehre. Rigasche Zeitung, April 1883.

53) Lutosławski. Erhaltung und Untergang der Staatsverfassungen nach Plato, Aristoteles und Machiavelli. Lit. Centr. 1888. April.

Посмертные труды.

54) Neue Grundlegung der Psychologie und Logik, herausgegeben von *J. Ohse*. Breslau. 1889.

55) „Трактатъ о Богѣ и мірѣ"—напечатанъ въ „приложеніяхъ" къ сочиненію *Я. Ѳ. Осе*: „Проективизмъ и персоналисмъ въ метафизикѣ Лотце". 1896, стр. 462—467.

Біографическій очеркъ Г. Тейхмюллера былъ мною помѣщенъ: a) въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" за 1888 г. № 137 отъ 20 мая (некрологъ), b) въ моей книгѣ „О понятіи искусства," стр. 16—23, и c) въ качествѣ послѣсловія-прибавленія къ редактированному мною переводу сочиненія Тейхмюллера „Безсмертіе души", стр. 198—200.